

З. С. БЕЛОУСОВА

«ПАКТ ЧЕТЫРЕХ» 1933 ГОДА

Подготовка каждой большой войны начинается задолго до того, как прогремит первый выстрел. В. И. Ленин отмечал, что условия мира между капиталистическими державами устанавливаются не иначе, как в соответствии с их мощью («по силе», — писал он). Именно такой и была Версальская система. Но проходили годы, соотношение сил менялось, прорастали семена нового гигантского конфликта. Империалистические державы уже испытывали потребность в новом размежевании, в создании новых блоков, в дипломатической подготовке новой пробы сил. Одним из важных этапов на таком пути стали переговоры западных держав в конце 1932 — начале 1933 г. и выработанный весной 1933 г. проект «пакта четырех» — Англии, Франции, Германии и Италии.

Появившиеся недавно публикации дипломатических документов¹ (в совокупности с уже известными архивными материалами внешнеполитических ведомств различных стран²) побуждают исследователей вновь обратиться к истории этого незавершенного соглашения и не только потому, что упомянутые публикации содержат богатейшие фактические данные, а история переговоров о «пакте четырех» до сих пор не была предметом специального исследования в советской историографии³, но и потому, что изучение дипломатической борьбы вокруг него позволяет сделать важные выводы, имеющие значение для понимания событий сегодняшнего дня.

В исторических исследованиях как зарубежных, так и советских излагаются разные точки зрения на происхождение «пакта четырех». Одни историки связывают его исключительно с именем Муссолини, другие — целиком приписывают пакт Макдональду⁴. Изучение и сопоставление дипломатических документов позволяет сделать вывод, что

¹ «Документы внешней политики СССР» (далее — «Документы»), т. XV (1 января — 31 декабря 1932 г.). М., 1969; т. XVI (1 января — 31 декабря 1933 г.). М., 1970; «Documents diplomatiques français. 1932—1939» (далее — DDF). Série 1-re (1932—1935), t. I—III. Paris, 1964—1967.

² «Foreign Relations of the United States» (далее — FRUS). Diplomatic Papers. 1932, 1933, vol. I—II. Washington, 1947—1950; «Documents on British Foreign Policy. 1919—1939» (далее — DBFP), Second Series, vol. III—V. London, 1948—1956; «Documents on German Foreign Policy. 1918—1945» (далее — DGFP), Series «C», vol. I. London, 1957.

³ Роль «пакта четырех», а также отношение отдельных стран к этому пакту в той или иной степени освещаются в следующих трудах советских историков: «История внешней политики СССР», ч. I (1917—1945 гг.). Под ред. Б. Н. Пономарева, А. А. Громыко, В. М. Хвостова. М., 1966; «История дипломатии», т. III. М., 1967; Л. В. Поздеева. Англия и ремилитаризация Германии (1933—1936). М., 1956; В. Т. Фомин. Агрессия фашистской Германии в Европе (1933—1939). М., 1963; В. Г. Трухановский. Новейшая история Англии. М., 1963; Ю. В. Борисов. Советско-французские отношения (1924—1945). М., 1964; В. К. Волков. Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты (1933—1938). М., 1966; И. Д. Овсянкий. Тайна, в которой война рождалась. М., 1971.

⁴ Первая точка зрения проводится в книге: К. Н. J a g a u s c h. The Four Power Pact 1933. New York, 1965. Вторая — в книгах: А. F u r n i a. The Diplomacy of Appeasement: Anglo-French Relations and the Prelude to World War II. 1934—1938. Washington, 1960; В. И. П о п о в. Дипломатические отношения между Англией и СССР (1924—1939). М., 1964.

происхождение этого пакта надо искать в международном положении того времени, в развитии империалистических противоречий начала 30-х годов, проявившихся, в частности, на конференциях в Женеве и Лозанне ⁵.

* * *

В феврале 1932 г. «международная гостиница», как называли журналисты Женеву, была переполнена. Сюда съехались представители 60 государств на Всеобщую конференцию по сокращению и ограничению вооружений. С высокой трибуны делегаты произносили витиеватые речи в защиту мира и разоружения. Но многочисленные проекты делегаций капиталистических стран, фигурировавшие на конференции, предусматривали, как правило, усиление военной мощи страны, вносившей проект, при одновременном сокращении вооружений других стран. В кулуарах строились хитроумные комбинации для обеспечения большинства тому или иному проекту. Единственный план действительно всеобщего и полного разоружения был предложен делегацией Советского Союза. «Только при полном разоружении может быть достигнута одинаковая безопасность и равенство условий для всех стран» ⁶, — говорил председатель советской делегации М. М. Литвинов в речи на пленарном заседании конференции.

Различия во взглядах на отдельные аспекты проблемы разоружения и даже острая борьба между империалистическими державами не могли заслонить главного — для большинства делегаций речь шла о том, чтобы любой ценой обеспечить для своей страны превосходство в вооруженных силах над своими соседями и потенциальными противниками. Инициативу на конференции в Женеве стремилась захватить французская делегация, представившая проект, известный под названием «плана Тардье». Но в нем не было и намека на сокращение вооружений, а лишь предусматривалось создание международных вооруженных сил, подчиненных по существу французскому генеральному штабу. Перспектива господства французской армии в Европе не устраивала участников конференции. Французские предложения встретили резкий отпор, особенно со стороны Германии и Италии. Германская дипломатия требовала «равноправия», т. е. ревизии военных постановлений Версальского договора. Италия поддержала германские требования. Что касается Англии и США, то в тот момент они не поддержали ни французский план, ни германские требования. Борьба империалистических держав за военное превосходство заняла основное место в работе конференции ⁷.

Острые противоречия на конференции (особенно между Францией, с одной стороны, и Германией и Италией — с другой) грозили полным провалом международного форума. Однако ни одна из стран-участниц не хотела взять на себя вину за это. Надеясь занять выгодную позицию «над схваткой», активно действовала английская дипломатия. Она стремилась примирить соперников, «спасти конференцию» и заработать на этом политический капитал. Когда к осени 1932 г. противоречия на конференции достигли особой остроты, и германская делегация заявила, что не вернется на заседания, пока не будет принято требование Германии «равенства прав» с другими странами, Англия предложила созвать в Лондоне в октябре 1932 г. конференцию четырех держав — Англии, Франции, Италии и Германии (с участием представителя США в качестве наблюдателя) для разрешения возникших «трудностей».

Стремление добиться согласованных действий четырех держав не было чем-то новым. Идея блока империалистических государств, организации «крестового похода» против большевизма не сходилась с повестки дня после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Новая попытка была предпринята и во время Лозаннской конференции по репарациям летом 1932 г. В то время с предложением заключить консультативный пакт между Францией, Англией, Германией и Италией выступила Германия. Эту идею она предложила в качестве компенсации за согласие Франции на ликвидацию репарационных платежей. Но Франция тогда не соглашалась ни на отмену репараций, ни на узаконение германского перевооружения. Не приняла она и сенса-

⁵ К такому же выводу приходит польский историк Б. Раковский: B. R a k o w s k i. U trodel paktu czterech.— «Naukowe Uniwersytetu Lodzkiego», Seria I, zeszyt 67. Lodz, 1970, str. 71—88.

⁶ «Документы», т. XV, стр. 107.

⁷ См. В. М. Х а й ц м а н. СССР и проблема разоружения (Между первой и второй мировыми войнами). М., 1959, стр. 295—297.

ционное предложение Германии, сделанное во время франко-германских переговоров в Лозанне, заключить военный союз и установить постоянные контакты между генеральными штабами обеих стран⁸. Фон Папен предлагал Эррио в качестве общей платформы борьбу с коммунизмом «в Германии и на Востоке Европы».

Политическое маневрирование германских дипломатов не осталось без последствий, причем совершенно неожиданных для них. Англия, встревоженная вдруг возникшей на европейском политическом горизонте перспективой сближения Франции и Германии, сразу же поддержала французское требование о заключительном репарационном платеже Германии. Более того, в Лозанне английские и французские представители подписали так называемое «l'accord de confiance» — соглашение о доверии⁹. Оно не накладывало взаимных обязательств (в документе лишь выражалось желание совместными усилиями установить «согласие и мир» в Европе), но сам факт подписания соглашения имел в то время важное значение. Оно в какой-то степени восстанавливало поколебленное единство двух недавних союзников, заставляло его участников пытаться выработать хотя бы видимость общей политической линии. Как показали последовавшие вскоре события, это был чисто тактический маневр со стороны Англии. Тем не менее он вызвал беспокойство у Германии и Италии.

Но их тревога была напрасной. Английское правительство вскоре выступило с инициативой встречи четырех держав в Лондоне 11 октября 1932 г. Затем англичане сообщили, что конференцию следует несколько отсрочить. Они хотели предварительно склонить французов к примирению с немцами. С этой целью английское правительство сообщило Эррио, что оно «было бы счастливо провести до этой конференции прямой обмен мнениями с французским правительством»¹⁰. Переговоры состоялись 13 и 14 октября 1932 г. в Лондоне. В коммюнике для печати говорилось, что две державы обсудили британское предложение о встрече Франции и Англии с Германией и Италией «для разрешения трудностей», которые возникли в Женеве¹¹. В памятной записке, адресованной французскому правительству, англичане предлагали «изучить возможности соглашения между Францией и Германией» на конференции четырех держав. Эррио ответил, что Франция не возражает против переговоров между державами по вопросу о равенстве прав, но поскольку эти переговоры могут иметь только «официальный и предварительный характер», то французское правительство просит, чтобы они происходили в Женеве в рамках Лиги наций, «единственно уполномоченной принимать с помощью всех заинтересованных окончательные решения». Эррио в послании Поль-Бонкуру (главе французской делегации на конференции по разоружению), информируя его о предложении Макдональда, отметил, что «английское посредничество исходит из следующего: прогрессирующее разоружение держав, наиболее вооруженных; право Германии владеть оружием каждой категории, но в меньшем количестве, чем бывшие союзные державы»¹².

Правительство Германии также согласилось принять участие во встрече министров четырех держав, надеясь добиться признания равенства прав в области вооружения. Благоприятно было встречено предложение Макдональда и в Риме. 23 октября, выступая в Турине, Муссолини призывал к сотрудничеству четырех держав как необходимому условию «умиротворения Европы и оздоровления экономики». Эта «концепция некоего рода европейской директории была ему несомненно подсказана проектом конференции «четырех», выдвинутым Макдональдом»¹³, — сообщал французский посол в Риме Бомарше. Главу итальянского правительства это предложение очень устраивало, так как на предлагаемой конференции Италия вместе с Англией могла стать

⁸ DDF, t. I. (19 juillet — 14 novembre 1932). Paris, 1964, p. 73, 71. Как говорил Эррио, «фон Папен предлагал военный союз не десять раз, а раз двадцать». — «Документы», т. XV, стр. 578; DDF, t. I, p. 242—243.

⁹ DDF, t. I, p. 31.

¹⁰ DDF, t. I, p. 414.

¹¹ Ibid., p. 438. В примечании редколлегия тома указывает, что кроме упомянутого коммюнике никаких документов в архиве МИД о переговорах Эррио—Макдональда нет. Но в дневнике Эррио записано высказанное им на переговорах убеждение, что Германия хочет перевооружиться. Макдональд не отрицал этого, считая переговоры четырех держав лучшим средством «противиться такому намерению».

¹² DDF, t. I, p. 415.

¹³ Ibid., p. 559.

арбитром между Францией и Германией. В той же речи Муссолини заявил, что требование «равенства прав» Германией «вполне справедливо с юридической точки зрения». Муссолини также подчеркнул, что Италия выступает против всякой гегемонии в Европе. Как отметил Бомарше, «эта фраза относится к Франции и ее политике». Таким образом, ясно вырисовывалась прогерманская и антифранцузская позиция Италии на будущей конференции.

Боясь оказаться в изоляции, Франция разработала в октябре 1932 г. новый «план организации мира», с которым предполагала выступить на конференции в Женеве. Французский проект, подчеркивал Эррио, был вызван «серьезными опасениями» остаться в одиночестве перед вооружающейся Германией¹⁴. В сложившейся ситуации Франция опасалась не только изоляции, но и создания антифранцузского блока. Вероятно не в малой степени под воздействием этих обстоятельств французская дипломатия решила возобновить переговоры с Советским Союзом о заключении пакта о ненападении. Они начались еще весной 1931 г., но развивались очень медленно. И вот, в августе 1932 г. переговоры были продолжены, а 29 ноября 1932 г. был подписан пакт о ненападении между Францией и СССР. Франко-советский договор стал важной вехой во взаимоотношениях двух стран. Он содействовал укреплению безопасности обоих государств, усиливал и позиции Франции в предстоящих переговорах четырех держав, позволяя ей более твердо противостоять германскому требованию перевооружения. В записке французского министерства иностранных дел, подготовленной для премьер-министра, обращалось внимание на то, что этот договор «поможет рассеять германские иллюзии относительно ревизии Версальского договора»¹⁵.

На другой день после подписания франко-советского пакта о ненападении глава французского правительства Эррио получил приглашение Макдональда встретиться в Женеве 2 декабря с ним, а также с министром иностранных дел Германии и американским и итальянским представителями на конференции.

3 декабря в Женеве состоялась встреча Эррио и Поль-Бонкура с Макдональдом и Саймоном. Французские руководители заявили, что прежде чем обсуждать вопрос о признании «равных прав» для Германии, они хотели бы услышать от немцев точное определение условий применения этого принципа и обязательств Германии. Последние выступления представителей Германии дают основания заключить, отмечал Эррио, что они имеют в виду «равенство прав» для перевооружения. С таким толкованием Франция согласиться не может. «Если германское правительство не заявит публично, что оно дает другую интерпретацию принципа «равенства прав», такое «равенство» не может быть признано»¹⁶. Французские деятели настаивали на том, чтобы вопрос о «равенстве прав» был тесно связан с рассмотрением проблемы обеспечения безопасности. Эррио считал также необходимым одновременно обсудить вопрос о контроле над разоружением. Он предложил, чтобы Германия дала письменный ответ на эти вопросы.

Французская сторона считала целью конференции согласовать германский тезис «равенства прав» с французским тезисом безопасности. Эррио выдвинул формулу признания «равенства прав в рамках обеспечения безопасности всех наций»¹⁷. Макдональд же считал, что это лучше решить путем переговоров. 5—10 декабря в Женеве состоялись встречи представителей Англии, Франции, США, Германии и Италии, во время которых обсуждался вопрос, на каких условиях Германия вернется на конференцию. На одном из заседаний Нейрат заявил, что немецкая делегация вернется в том случае, если решения конференции «дадут практический эффект» в смысле признания «равенства прав во всех отношениях». Когда Поль-Бонкур попросил раскрыть эту формулу, германский министр ответил, что он должен «проконсультироваться со своими экспертами»¹⁸. Поль-Бонкур не настаивал на немедленном ответе, но просил дать его в письменном виде. Основная борьба на этих переговорах шла между Францией и Германией. Английская дипломатия стремилась примирить их, но чаще поддерживала немецкую делегацию. Макдональд на последнем заседании откровенно заявил, что в период от

¹⁴ Ibid., p. 619.

¹⁵ DDF, t. II (15 novembre 1932—17 mars 1933). Paris, 1966, p. 57.

¹⁶ Ibid., p. 123.

¹⁷ Ibid., p. 155.

¹⁸ DDF, t. II, p. 207.

Локарно до Лозанны английское правительство помогало Германии освободиться от непомерных пут Версаля. Активную роль на переговорах играла американская делегация во главе с Дэвисом. Она подчеркивала, что пяти державам необходимо прийти к соглашению для продолжения работы конференции. Дэвис предлагал принять принцип «равенства прав», с тем чтобы на конференции обсудить его практическое применение¹⁹.

Итогом длительных дипломатических маневров явилось принятие 11 декабря 1932 г. декларации пяти держав (Англии, Франции, Германии, Италии и США) о предоставлении Германии и другим странам, которых касались версальские постановления о разоружении, «равноправия в вооружениях в рамках системы безопасности, одинаковой для всех». Эта формула представляла собой компромисс между германским требованием «равенства прав» и французским тезисом обеспечения безопасности. Декларация пяти держав означала отход от Версальского договора, официальное признание западными державами прав Германии на вооружение. Германские милитаристы получили возможность вооружаться открыто. Французские правящие круги под давлением Англии и США отступили от своих старых позиций — не допускать перевооружения агрессивного зарейнского соседа. Вместе с тем принятая декларация отнюдь не снимала противоречий между империалистическими державами и не сулила успеха конференции по разоружению. С приходом к власти в Германии фашизма борьба не только не затихла, но разгорелась с новой силой.

1933 год начался с обсуждения в Бюро конференции французского «конструктивного плана» и британских предложений по нему. Затем обсуждение было перенесено в Генеральную комиссию по разоружению. Вскоре в ответ на французский план Англия спешно выдвинула собственный, который был изложен в форме проекта декларации пяти держав. Этот план Макдональд предполагал обсудить в Женеве с представителями западных держав 11 марта 1933 г. По пути в Женеву Макдональд, Саймон и посол во Франции лорд Тирелл встретились в Париже с новым французским премьер-министром Даладье, министром иностранных дел Поль-Бонкур и генеральным секретарем МИД Леже. Французы выражали беспокойство по поводу начавшегося перевооружения Германии и дали понять, что Франция не собирается отказываться от своего превосходства в области вооружений. Они подчеркивали, что нельзя достичь соглашения о разоружении, пока Германия и Италия не будут участвовать в какой-либо мирной организации на основе французского плана. Тогда Макдональд предложил обсудить в Женеве на встрече пяти держав средства для спасения конференции по разоружению. Даладье согласился. С 11 по 16 марта 1933 г. в Женеве шли переговоры Макдональда с представителями четырех западных держав. «Единственным результатом этих встреч,— пишет американский историк Фарниа,— было ухудшение англо-французских отношений»²⁰. Одновременно в прессе появилось сообщение о предстоящем визите Макдональда в Рим. Инициатива принадлежала Макдональду, поручившего своему послу в Риме Грэхэму передать Муссолини просьбу о желательности встречи с ним где-нибудь на Севере Италии. В свою очередь итальянские дипломаты намекнули: если появится уверенность, что английские министры примут приглашение встретиться в Риме, то такое приглашение будет послано незамедлительно. Макдональд ответил утвердительно, и 15 марта приглашение было получено. Но прежде чем отправиться в Рим, Макдональд выступил на заседании Генеральной комиссии конференции с английским проектом конвенции по разоружению. Этот проект получил известность как «план Макдональда». Он представлял собой синтез всех предшествующих проектов, предусматривая равный контингент вооруженных сил для Франции, Германии, Италии в Европе (200 тыс.), а также равенство Германии в артиллерии и танках.

В тот же день, 16 марта, в Женеве состоялись франко-английские переговоры, в которых приняли участие с французской стороны Даладье, Поль-Бонкур и Массигли, с английской — Макдональд, Саймон, Иден и Кадоган. Макдональд передал Даладье «совершенно лично и конфиденциально» памятную записку, в которой изложил точку зрения английского правительства на сложившееся на конференции положение. Даладье в ходе беседы отметил, что Германия перевооружается, и он не сомневается, что

¹⁹ Ibid., p. 237, 234.

²⁰ A. F u r n i a. Op. cit., p. 77

по истечении трех лет она начнет наступать. Поэтому, если Франция примет предложенную Англией систему («план Макдональда»), при которой будет потеряно ее (Франции) превосходство в численности воинского состава, она «совершит преступление одновременно и против страны и против мира». На это Макдональд откровенно заявил: «Если в данном пункте британский план не удовлетворяет Францию, то лишь потому, что английские министры не думали о французских заботах», добавив, что предложенный план не является последним словом Англии и может быть пересмотрен²¹. Что касается поездки Макдональда в Рим, то Даладье выразил заинтересованность в этом. Поездка английских министров, отметил он, может иметь очень важные результаты. Подчеркнутая демонстрация тесных контактов между английскими и французскими государственными деятелями должна была придать визиту английских руководителей в Рим окраску согласованных действий двух стран, если не полного одобрения со стороны Франции. Ведь еще и года не прошло со времени подписания в Лозанне «соглашения о доверии», подтвердившего общность интересов двух стран.

18 марта английские деятели прибыли в Рим, где им была организована торжественная встреча. В тот же день в палатце «Венеция» состоялись переговоры. Обсуждение началось с проекта «пакта согласия и сотрудничества между четырьмя западными странами», врученного еще утром послам Англии, Франции и Германии в Риме итальянским правительством. Проект «пакта четырех» состоял из шести статей. Он предусматривал сотрудничество четырех держав «во всех политических и неполитических, европейских и внеевропейских вопросах, а также в колониальной сфере» (ст. IV). В предлагаемом проекте четыре державы подтверждали «принцип ревизии мирных договоров, согласно ст. 19 Устава Лиги наций» (ст. II) и признавали за Германией, в случае провала конференции по разоружению, равенство прав в вооружениях, которое она могла реализовать «постепенно». Эти же права распространялись на Австрию, Венгрию и Болгарию (ст. III). Договаривающиеся стороны заявили, что они берут на себя обязательство осуществлять во взаимоотношениях друг с другом политику эффективного сотрудничества с целью поддержания мира (ст. I). Договор предлагалось заключить сроком на 10 лет (ст. V); он должен был быть зарегистрирован в секретариате Лиги наций (ст. VI)²². Основная идея пакта заключалась в создании такого союза четырех западных держав, который стал бы верховным органом в Европе. Последний должен был принимать решения не только по вопросам, касающимся стран — участниц соглашения, но вообще по всем важным проблемам европейской и мировой политики.

Как показывает английская запись беседы английских министров с Муссолини, его предложение о «пакте четырех» не было неожиданным для них, вероятно потому, что оно почти полностью совпадало с замыслом Макдональда. Идея сотрудничества четырех западных держав была в 30-х годах «кардинальной целью английской внешней политики»²³.

Англичане предложили предварительно обсудить, когда будут возвращаться через Париж, проект пакта с французскими коллегами. Муссолини тут же добавил: он имеет все основания верить, что четвертый участник — Германия — примет соглашение такого рода²⁴. Дело в том, что Муссолини, прежде чем обсуждать проект пакта с англичанами, сообщил о нем в Берлин. На строго конфиденциальной памятной записке для итальянского посла в Берлине министр иностранных дел Германии барон фон Нейрат еще 15 марта (!), т. е. за три дня до встречи Муссолини с Макдональдом, сделал следующую карандашную пометку: «Проект пакта и наш ответ одобрены канцлером». Германия выражала готовность вступить в переговоры о пакте, затем следовали замечания по проекту. Не менее определена и телеграмма германского посла в Риме фон Хасселя от 18 марта, в которой он подчеркивал: «Необходимо держать в секрете, что Германия получила проект пакта раньше»²⁵.

На переговорах в Риме возник вопрос о том, как отнесется к проекту пакта Франция. По словам Муссолини, из разговора утром с французским послом Анри де Жуве-

²¹ DDF, t. II, p. 826—833.

²² «Сборник документов по международной политике и международному праву», вып. VI. М., 1934, стр. 10—11.

²³ FRUS, 1933, vol. I, p. 396; DGFP, vol. I (January 30 — October 14, 1933), p. 197.

²⁴ DBFP, vol. V, 1933, p. 71.

²⁵ DGFP, vol. I, p. 163, 181.

нелем при вручении ему проекта, стало ясно, что сам посол — «энтузиаст предлагаемого соглашения». Жувенель заверил Муссолини, что ст. III будет принята во Франции, а в ст. II он советовал включить фразу о сохранении в силе договоров или об их священности. Макдональд и Саймон склонялись к принятию этого предложения. Муссолини, однако, считал, что это создаст трудности в отношениях с Германией. «Хотя договоры и священны, они не вечны», — цинично заметил он. На переговорах стороны охарактеризовали вопрос о польском коридоре как очень сложный. Муссолини, кроме того, высказался за ревизию венгерских границ²⁶. Знаменательно, что Макдональд отметил «большое сходство» итальянского предложения и английского плана. Хассель также подчеркивал, что «нет противоречий между предложением Макдональда и проектом пакта».

Англо-итальянские переговоры были продолжены на другой день в помещении английского посольства в Риме. Саймон предложил в ст. I сделать ссылку на декларацию пяти держав от 11 декабря 1932 г., а в ст. II все-таки вставить фразу о священности договоров. Макдональд выразил пожелание придать ст. IV более узкие рамки, так как «нельзя пытаться сделать слишком много сразу». Его поддержал Саймон: «Было бы ужасным, если и колониальные вопросы также будут притянуты»²⁷. Не удивительно, что именно пункт, касавшийся колониальных вопросов, вызвал возражения англичан. Британские империалисты были готовы удовлетворить аппетиты фашистских стран, но только не за свой счет. Корреспондент «Известий» в Париже Жак Садуль писал 23 марта 1933 г., что Муссолини советовал Макдональду вернуть Германии некоторые из ее старых колоний в Африке — Танганьнику и часть Кении (подмандатная территория Южно-Африканского Союза с 1919 г.). Выступая в палате общин 23 марта 1933 г., Макдональд энергично опроверг слухи, будто Англия намерена уступить Германии ее бывшие колонии.

Пресса многих стран обратила внимание на эту часть речи британского премьера. Бывший французский министр Лотье, призывая страны Малой Антанты и Польши быть бдительными, писал: «Разве не видите, что Макдональд, который хочет содрать с вас шкуру, заявляет в палате общин, что он не уступит ни одного мандата, ни одной колонии, взятой у Германии? Далмацию — да, Польский коридор — да, Трансильванию — да, но Танганьнику — нет»²⁸. Муссолини согласился исключить колониальный вопрос, оставив упоминание об экономическом сотрудничестве. Предложенный им проект сотрудничества четырех держав получил в целом одобрение английских министров.

Какие же цели преследовала Англия и что давал ей будущий пакт четырех держав? Основной задачей британской внешней политики было сохранение равновесия сил на континенте. Окрепшая после Версаля Франция, ее система союзов с малыми странами Европы, ведущая роль французской дипломатии в Женеве, наличие самой мощной в Европе сухопутной армии — все это побуждало английских политиков искать пути и средства противодействовать французскому влиянию в Европе. Английские правящие круги стремились использовать в своих интересах глубокие итало-французские и франко-германские противоречия, выступить в роли арбитра. Планируемое соглашение четырех держав, по мысли англичан, должно было не только ослабить французские позиции в Европе, но и привести к урегулированию англо-итальянских споров в колониальных вопросах. Не менее важной задачей английские руководители считали привлечение к европейскому концерту держав гитлеровской Германии.

«Пакт четырех» устраивал Англию еще и потому, что он был продолжением традиций Локарно, этого «запасного якоря» британской политики в Восточной Европе. «Пакт четырех» не требовал от Англии дополнительных обязательств сверх локарнских. Такое соглашение, по мнению английских руководителей, исключило бы опасность формирования в Европе противостоящих друг другу группировок. В условиях начала 30-х годов Англия не могла рассчитывать остаться в стороне, а была бы втянута в одну из них. Британская политика в Европе, пишет английский историк Ф. Норседж,

²⁶ DBFP, vol. V, p. 73.

²⁷ Ibid., p. 78.

²⁸ Цит. по: «Известия», 29.III.1933.

«балансировала между желанием привлечь Германию в концерт держав и усилиям уменьшить, по крайней мере символически, опасения Франции»²⁹.

Французское правительство в то время допускало в принципе возможность предоставления Германии равенства в вооружениях, но в рамках системы коллективной безопасности и с обязательством взаимопомощи в случае агрессии. Британские же деятели продолжали уверять, что «гарантию мира» надо искать только в разоружении, причем для собственной безопасности они считали необходимым сохранить ту часть Версальского договора, которая гарантировала бы Англии ее превосходство в военно-морских силах. В то же время Англия пыталась заставить Францию согласиться на равенство военно-морских сил с Италией. «Таким образом, безопасность для себя путем обеспечения подавляющего превосходства, безопасность для остальных путем равенства без различия политических целей тех и других. Такова странная формула, которой следует британская политика», — писал бывший французский министр Б. Ногаро³⁰.

При помощи «пакта четырех» английская дипломатия рассчитывала также ослабить связи Франции с Советским Союзом, лишит Францию поддержки мощного государства на Востоке Европы. Договор о ненападении с Советским Союзом был солидным козырем в руках французских политиков. В случае же присоединения Франции к «пакту четырех» франко-советские отношения неизбежно ухудшились бы. Ведь одна из задач этого пакта заключалась в отстранении СССР от решения европейских проблем³¹.

Не менее обширны были и планы фашистской Италии. Муссолини мечтал вернуть Италии славу прежней Римской империи. В стране разжигались националистические страсти, раздувался шовинистический угар. Широко пропагандировался лозунг итальянского ирредентизма. Итальянский фашизм стремился прибрать к своим рукам Балканы; другим направлением фашистской экспансии была Африка. Поглозновения итальянского империализма сталкивались и на Балканах и в Средиземноморье с империалистическими интересами Франции и непосредственно задевали ее союзников — страны Малой Антанты. Франко-итальянские отношения обострялись на почве соперничества в колониальных вопросах и военно-морском строительстве. Итальянская буржуазия претендовала на французский Тунис, а также на колониальные владения Франции, прилегающие к Ливии, желала раздела Эфиопии и получения мандата на Сирию, требовала равенства с французским военным флотом.

Муссолини еще в 20-х годах выступал против мирных договоров, против «vittoria mutilata» («рузанной победы»). Начиная с 30-х годов его нападки на мирные договоры стали особенно откровенны и ожесточены. Было очевидно, что Муссолини не приемлет статус quo в Европе. Он выступил в поддержку требования Германии о предоставлении ей равенства в вооружениях, считая неизбежным отказ Германии от «военных путей Версаля. Итальянские дипломаты рассчитывали использовать недовольство Германии Версальским миром и вместе с ней добиться изменения положения в Европе, ослабить позиции Франции, восстановить равновесие сил. В этом отношении их планы совпадали с политикой Англии.

Инициаторы пакта исходили из желания примирить империалистические противоречия между его участниками за счет других государств, главным образом малых стран Европы, восточных соседей Германии и Италии. Но прежде всего направление агрессивной политики фашистских держав на Восток, как известно, преследовало антисоветские цели. Муссолини не переставал повторять свой лозунг создания итальянской империи от «Триеста до Одессы», германские реваншисты рвались не только на польские земли, но и на украинские и белорусские.

Советский Союз отчетливо сознавал, какую опасность для дела мира таит в себе «пакт четырех». Правительство СССР, его представители в беседах с иностранными дипломатами не раз подчеркивали отрицательное отношение Советского Союза к пакту,

²⁹ F. S. Northedge. The Trouble Giant. Britain among the Great Powers. 1916—1939. London, 1966, p. 273.

³⁰ «L'Ere Nouvelle», 28.III.1933.

³¹ См. A. Furnia. Op. cit., p. 80; G. Salvemini. Prelude to World War II. New York, 1954, p. 138; A. Wolfers. Britain and France between the Two Wars. Conflicting Strategies of Peace since Versailles. New York, 1940, p. 261; Ch. L. Mowat. Britain between the Wars. 1918—1940. London, 1955, p. 424.

«ввиду неограниченности его компетенции и возможности вовлечения вопросов, затрагивающих наши интересы, не говоря уже о слухах о специально антисоветском острей пакта»³². Создается политическая организация с неограниченной повесткой дня, говорил нарком иностранных дел М. М. Литвинов в беседе с послом Германии в СССР Дирксеном, и «мы не можем оставаться безучастными и равнодушными»³³.

Поскольку речь шла о пакте великих держав, возникал вопрос, почему не приглашены участвовать в нем Советский Союз и Соединенные Штаты Америки. Тогда была сделана оговорка, что это — пакт великих европейских держав. Но западные газеты справедливо писали, что СССР — более европейская держава, чем Англия, так как из 165 млн. населения СССР 140 млн. живут в европейской части страны. Официозная французская «Le Temps» отмечала: «Совершенно очевидно, что всякая комбинация, которая будет игнорировать великую державу, насчитывающую 140 млн. жителей в своей европейской части, обречена на односторонность»³⁴.

Возвращаясь из Рима, английские руководители остановились в Париже. Им предстояло получить согласие на присоединение к пакту четвертого партнера — Франции. Уже сам факт, что французское правительство сразу приступило к обмену мнениями по поводу предложения Муссолини, англичане расценили как благоприятный признак.

Когда правительство Франции получило 18 марта от Жувенеля текст предлагаемого соглашения, первой реакцией Даладьё было тотчас же его отклонить, настолько очевидной была его антифранцузская направленность. «Пакт четырех» наносил удар по Лиге наций, в которой Франция занимала ведущее положение, и, следовательно, по престижу и интересам Франции. Планируемая директория четырех держав должна была подменить собой Лигу наций, взять в свои руки руководство важнейшими международными вопросами. Проект пакта отстранял от участия в решении европейских дел малые государства. Франция, лишенная своих союзников, чья поддержка в Лиге наций приносила ей большинство, оказалась бы изолированной. Соотношение сил в создаваемой директории могло стать 1 : 3. Было ясно, что ст. II пакта имела в виду удовлетворить притязания Германии и Италии в первую очередь за счет союзников Франции — Польши и стран Малой Антанты. Ст. III, признающая равенство прав в вооружениях Германии, а также Австрии, Венгрии и Болгарии, была опасна для империалистических интересов самой Франции. Проект Муссолини был расценен французским правительством как план ослабления Франции. «Пакт четырех» означал возвращение к политике Тройственного или Четверного союза. Присоединение к такому пакту Франции неизбежно разочаровало бы в ее политике малые страны Европы.

Хотя французские министры были почти единодушны в оценке целей и последствий римского пакта для Франции, они все-таки решили вступить в переговоры. «Поведение Франции в отношении проекта Муссолини «несколько двусмысленно», — заметил однажды польский министр иностранных дел Бек, — но вся Франция против этого проекта, а маневрирование ее правительства вызывается общей пацифистской позицией этого правительства и «консеквенциями» [последствиями] шага 11 декабря прошлого года [декларация о «германском равноправии»]³⁵.

На переговорах в Париже Даладьё и Поль-Бонкур выразили желание лишь обменяться взглядами и общими идеями, поскольку они не знали точного текста пакта. Переданный 18 марта французскому правительству проект был затем подвергнут некоторым изменениям во время встречи Муссолини и Макдональда в Риме. Правда, как признал Макдональд, эти изменения «не меняют существа документа»³⁶. Французы настаивали на упоминании в тексте пакта о том, что все вопросы должны рассматриваться на основе принципов Лиги наций, в соответствии с ее Уставом. Французские деятели возражали против такого сотрудничества, которое приняло бы форму директории четырех держав. Они считали лучшим способом установления согласия между четырьмя державами — заключение соглашения «всех заинтересованных в поддержании мира держав» и предложили рассматривать эту антанту, как сотрудничество постоянных членов Совета Лиги наций. Обсуждая ст. III, французы подчеркнули, что они

³² «Документы», т. XVI, стр. 227.

³³ «Документы», т. XVI, стр. 213.

³⁴ «La République», 26.III.1933; «Le Temps», 1.IV.1933.

³⁵ «Документы», т. XVI, стр. 203.

³⁶ DBFP, vol. V, p. 89.

придерживаются декларации пяти держав от 11 декабря 1932 г.³⁷ Даладье согласился, что некоторые пункты мирных договоров нуждаются в ревизии, но предлагаемые в итальянском проекте методы кажутся ему «очень опасными»³⁸. Он подчеркнул, что было бы ошибкой поставить сразу слишком много проблем, в том числе вопросы, касающиеся ревизии договоров и перевооружения Германии.

Значение данной встречи раскрыл Саймон. Главное состоит в том, заявил он, что «идея сотрудничества четырех держав принята»³⁹. Опубликованное комюнике о переговорах в Париже произвело «блестящее впечатление» и в Риме, сообщал корреспондент «Le Temps», ибо оно рассматривалось как признание французским правительством возможности соглашения четырех держав. Это и было основным на данной стадии. Правда, французские руководители заявили, что поскольку они должны информировать своих союзников об итальянском предложении, то лучше было бы не поднимать вопросов о ревизии договоров и «равенстве прав» Германии (ст. II и III) до решения проблемы разоружения, так как это вызовет большое беспокойство других стран⁴⁰. Французские министры выразили готовность внимательно изучить проект и сделать замечания и поправки⁴¹.

Больше всего в этом пакте была заинтересована Германия. Сам факт создания директории четырех держав, включающей Германию, уже уравнивал ее в правах с другими великими державами, давал ей возможность наравне с ними вершить судьбы малых государств. «Мы очень заинтересованы, — писал 24 марта 1933 г. фон Нейрат посольству в Италии, — чтобы этот план был реализован»⁴². Очень четко были определены все выгоды «пакта четырех» для Германии в политическом докладе германского посла в Риме фон Хасселя. Главное состоит в том, писал посол, что впервые сделаны конкретные предложения о тесном сотрудничестве четырех западных держав. «Ясно, что основная итальянская идея — уменьшить в их собственных (и германских) интересах влияние малых стран, следующих в кильватере Франции, и попытаться фактически передать руководство экономическим и политическим положением в Европе в руки директората». Нельзя недооценивать и факт формального признания ревизии договоров и равенства прав, подчеркивал посол, даже если применение этих принципов встретит еще значительные трудности на практике. «В этой сфере «моральная» победа, достигнутая выдвиганием итальянского предложения... должна быть оценена более высоко в настоящий момент, чем практические результаты»⁴³. Германское правительство, утя все выгоды осуществления «пакта четырех», вместе с тем боялось и некоторых отрицательных для себя последствий. Прежде всего, в случае его реализации могло произойти франко-итальянское сближение, которому Германия пыталась всячески помешать. Германская дипломатия, с одной стороны, старалась как можно шире подчеркнуть германо-итальянскую общность интересов во всех сферах, а с другой — стремилась путем установления тесного экономического сотрудничества заставить Италию следовать за Германией. Официальное отношение Германии к предложению Муссолини было благоприятным, но сдержанным.

Текст римского пакта держался в секрете, но скрыть дипломатические переговоры на высшем уровне нельзя было и они получили широкое освещение в мировой печати. Пресса связывала проект «пакта четырех» с английским планом по разоружению, с которым Макдональд выступил 16 марта в Женеве. И в том и в другом проектах роль Лиги наций практически сводилась к нулю. В них признавался принцип «равенства прав» Германии в вооружениях, ущемлялись права малых стран. Последние лишались возможности участвовать в обсуждении не только общих вопросов, но даже вопросов,

³⁷ DDF, t. III (17 mars — 15 juillet 1933). Paris, 1967, p. 67.

³⁸ DBFP, vol. V, p. 92.

³⁹ Ibid., p. 95.

⁴⁰ Ibid., p. 96—97; DDF, t. III, p. 65—68.

⁴¹ Представляет интерес записка от 18 марта 1933 г., составленная в МИД Франции под руководством Леже и предназначенная министру иностранных дел. В ней отмечалось, что в число участников планируемого пакта можно включить еще Бельгию и Польшу. Французские дипломаты обращали внимание министра и на то, что Россия «может увидеть в этом блоке великих западных держав угрозу, направленную против нее». — DDF, t. III, p. 25.

⁴² DGFP, vol. I, p. 212.

⁴³ Ibid., p. 200, 201.

касающихся их собственной судьбы. Реакция прессы была очень бурной, но не одинаковой. Итальянская печать расценивала визит Макдональда в Рим как желание «сгладить тяжелое впечатление, произведенное в Италии слишком явным контактом Англии и Франции», как доказательство итало-английского сотрудничества. Газета «La Stampa» накануне переговоров в Риме писала, что речь пойдет «о начале большого этапа общей политики», о франко-итальянском морском паритете, об интересах Италии на Балканах. Благожелательно комментировала римские переговоры и германская пресса. В клерикальной «Kreuzzeitung» откровенно подчеркивалось: «Задачей германской дипломатии является использование того факта, что в плане соглашения четырех держав официально выражена идея ревизии мирных договоров, чтобы создать возможность для скорейшей ревизии»⁴⁴. Первые отклики английской печати были разноречивы. «The Times» 20 марта 1933 г. восторженно приветствовала первый со времени окончания войны визит английского премьер-министра в Италию, оценивала его как большой успех, имея в виду «интересное и ценное предложение сеньора Муссолини, которое представляет гармонию с идеями Макдональда». Газета не скупилась на туманные обещания Германии, правда, не указывая, за чей счет она получит компенсации. «Daily Telegraph» (21 марта 1933 г.) также превозносила визит Макдональда в Рим, отмечая, что его цель — налаживание франко-германских отношений. Это означало не что иное, как стремление быть арбитром между Францией и Германией. Лейбористская «Daily Herald» (20 марта 1933 г.) выступила против «пакта четырех», ибо он, писала газета, приведет к отстранению малых государств от решения важных европейских вопросов. Если раньше Макдональд был энтузиастом Лиги наций, отмечала газета, то теперь он скорее враждебен по отношению к ней. Более того, он и его коллеги «питают отвращение к вмешательству малых государств даже в их собственные дела». Хотя сообщения мировой печати о содержании переговоров в Риме и Париже были разноречивы, почти во всех них подчеркивалось, что в той или иной форме там обсуждался вопрос о ревизии договоров. Ясность в этот вопрос была окончательно внесена Макдональдом в палате общин 23 марта 1933 г. На вопрос Черчилля относительно деталей проекта пакта, премьер-министр ответил, что детали являются способом достижения главной цели — мира, и что под этим подразумевается «прежде всего и почти единственно — ревизия договоров».

Поскольку среди партнеров предлагавшегося соглашения фигурировали Германия и Италия, чьи ревизионистские тенденции были хорошо известны, то речь могла идти, прежде всего, о пересмотре границ в Восточной и Юго-Восточной Европе. Поэтому идея сотрудничества четырех держав западных держав вызвала серьезное беспокойство и тревогу, особенно в Польше и странах Малой Антанты — Чехословакии, Румынии, Югославии. Через неделю после переговоров Макдональда и Муссолини Постоянный Совет Малой Антанты опубликовал декларацию, в которой говорилось: «Государства Малой Антанты сожалеют, что в переговорах, имевших место в последние дни, идея ревизионизма была подчеркнута. Они считают своей обязанностью обратить внимание на то обстоятельство, что ревизионистская политика неизбежно вызывает энергичное противодействие»⁴⁵.

Представители стран Малой Антанты в Женеве действовали весьма активно. Смысл их демаршей сводился к тому, что страны Малой Антанты не подчинятся решениям директории четырех держав в отношении себя, если их не пригласят принять участие в выработке таких решений. Они заявляли, что Малая Антанта хочет сотрудничества «свободных и равных в правах государств» и решительно противится превращению части Европы, в первую очередь славянского района, «в зону колонизации». Югославские газеты писали, что проект Муссолини — это ловушка, расставленная европейским фашизмом. Первыми жертвами его будут Франция и ее союзники — Малая Антанта и Польша, а Европа вернется к 1878 г. и 1914 г., к политике Бисмарка и Меттерниха⁴⁶.

С большим недоверием к идее «пакта четырех» отнеслась Чехословакия. Во время беседы с Саймоном в Женеве 25 марта 1933 г. Бенеш обратил внимание на то, что создание директории четырех держав будет означать «разрыв с идеалом» Лиги наций. Его смущал также специальный пункт в проекте о ревизии мирных договоров; хотя

⁴⁴ Цит. по: «Известия», 22.III.1933.

⁴⁵ Цит. по: «Известия», 27.III.1933.

⁴⁶ См. «Le Temps», 24.III.1933.

тут же добавил, что «сам всегда был убежден в необходимости ревизии... но если ревизия будет диктоваться извне, это вызовет сильное противодействие стран, от которых ждут уступок». В беседе с Саймоном министр иностранных дел Румынии Титулеску заявил, что огорчен речью Макдональда в палате общин. Саймон, стараясь успокоить Титулеску, утверждал, что якобы Макдональд и в Риме, и в Париже, и в палате общин настаивал на необходимости консультироваться с другими государствами, прежде чем что-либо решать⁴⁷. В беседе с постоянным представителем Югославии в Лиге наций Фотичем Саймон заверял последнего, что когда обсуждался вопрос о ревизии, не было и речи о ревизии югославских границ. Фотич ответил, что это и неудивительно, так как «Италия надеется на внутренний раскол Югославии». Макдональд, убеждал Саймон представителей Малой Антанты, «никогда не высказывался в пользу ревизии»⁴⁸. Румынские газеты называли идею Муссолини о пакте четырех держав «невозможно анахроничной», возвращением к практике XIX в., когда великие державы правили Европой⁴⁹.

Особенно острой и непримиримой была позиция Польши. Польские правящие круги категорически заявляли, что никакие решения директории четырех держав, касающиеся территориальных вопросов, не могут считаться обязательными. Польша официально не получила информации о переговорах Макдональда и Муссолини, отметил Бек в беседе с английским послом в Варшаве, однако польское правительство считает проект «пакта четырех» противоречащим духу и букве Устава Лиги наций⁵⁰. В Варшаве подчеркивали опасность, которая грозит Франции в случае присоединения ее к ареопагу четырех. «Kurjer Poranny» (близкий к правительству орган) писал, что притягательная сила Франции в глазах стран Восточной Европы ослабнет автоматически в результате ее присоединения к пакту. В органе правой оппозиции «Gazeta Warszawska» категорически утверждалось: «ничто не может быть сегодня решено в Европе без поддержки Польши и стран Малой Антанты»⁵¹. Представители этих стран всячески старались повлиять на Францию и помешать осуществлению «пакта четырех». «Давление на французов со стороны Польши и Малой Антанты было произведено большое, — писал полпред СССР во Франции В. С. Довгалевский. — ...Позиция противников пакта, в том числе Даладье, была сильно укреплена настойчивыми демаршами Малой Антанты и Польши»⁵².

Задача союзников Франции облегчалась тем, что в самой Франции широкое общественное мнение было против проекта Муссолини — Макдональда. Это был редкий случай в истории III Республики, когда многочисленные французские партии, стоявшие на противоположных политических платформах, выступили в первые дни после римских переговоров почти единодушно, хотя и по различным мотивам, с критикой проекта пакта. Коммунисты осуждали «пакт четырех» как попытку создания империалистическими державами директивного органа четырех, возвышающегося над всеми другими государствами Европы. Они показывали, как легко подобная директория может превратиться в антисоветскую коалицию⁵³. Крайне правые круги выступали против предложения Муссолини с националистических позиций. Они видели в нем угрозу империалистическим интересам Франции. Тогда антигерманские настроения в различных слоях французской буржуазии еще были сильны. Она не хотела возрождения своего опасного противника и конкурента, активно боролась против перевооружения Германии, за сохранение и расширение военных преимуществ Франции. Сторонники «твердого курса» в отношении Германии составляли в то время большинство в лагере французских правых. В начале 1933 г. они рассматривали гитлеровскую партию как партию главным образом антифранцузского реваншизма. 30 января 1933 г. «Le Figaro» писала, что приход Гитлера к власти представляет серьезную опасность для Франции. Результатом этого будет немедленное восстановление немецкой армии.

⁴⁷ DBFP, vol. V, p. 106, 111.

⁴⁸ Ibid., p. 113.

⁴⁹ См. «Le Temps», 27.III.1933.

⁵⁰ См. «Le Temps», 2.IV.1933.

⁵¹ См. «L'Ere Nouvelle», 24.III.1933.

⁵² «Документы», т. XVI, стр. 225.

⁵³ «Débats parlementaires. Session ordinaire de 1933», t. I, pt. II (du 14 mars au 13 avril 1933). Paris, 1934, p. 1940.

С резкой критикой переговоров в Риме выступило большинство французских газет. Пертинакс в «L'Echo de Paris» 21 марта 1933 г. писал: «Согласно этому плану Франция окажется изолированной внутри треугольника Англия — Италия — Германия и станет жертвой шантажа двух диктатур... Мы должны требовать, чтобы наши союзники были допущены на основе равноправия». Газета называла Макдональда германофилом и галлофобом. Другой французский правый журналист — Анри де Кериллис упрекал правительство в слабости, следствием которой и явилась римская встреча. «Макдональд чувствует, что именно в Рим переместился элемент твердого национального престижа и международной активности. И с ним, а не с нами, он считается»⁵⁴. Газеты упрекали Макдональда, что он действует «не как друг, и еще меньше как союзник Франции»⁵⁵. Правые журналисты рассматривали присоединение к римскому пакту как ослабление союзных отношений Франции с малыми странами, если не их разрыв. Франция будет осуждена внутри «герметического куба» на режим постоянных уступок все возрастающим требованиям⁵⁶. Против авторитарической концепции европейской директории выступил и орган французских промышленных кругов «Le Journal Industriel». Интересы членов проектируемого соглашения, отмечалось в нем 23 марта 1933 г., «противоположны в своих главных пунктах». Выступая против создания «Священного союза» великих держав, правая «Le Journal» писала 21 марта 1933 г.: «Раньше чем отрезать левую ногу у Польши, правую руку у Чехословакии и обе ноги Румынии, а также лишить Югославию ее конечностей, нужно по крайней мере, как велит обычай, спросить на это согласия у больных».

Французские правые круги выступали против «пакта четырех» ради сохранения собственных сильных позиций в Европе. Для достижения этого они прибегали к разного рода демагогическим ухищрениям. Всегдашние враги Лиги наций, правобуржуазные группы стали вдруг настойчиво повторять, что идеи Лиги — лучшее противоядие против попыток пересмотра мирных договоров. Они требовали, чтобы правительство объединило вокруг себя всех, кому угрожает ревизия. «Нет французской безопасности. Есть безопасность Франции и ее союзников», — говорил в палате депутатов Франклин-Буйон⁵⁷. Депутаты правых партий призывали к укреплению союзов с Бельгией, Польшей и странами Малой Антанты. Заключение «пакта четырех», говорили они, нарушит «европейское равновесие» в ущерб французским интересам.

В первый момент против заключения «пакта четырех» выступила и значительная часть партии радикал-социалистов во главе со своим лидером и председателем комиссии по иностранным делам палаты депутатов Эррио. Он считал, что «пакт четырех» может разорвать сложившуюся систему международных отношений и привести «к коалиции Германии и Италии». Эррио призывал Францию выполнить свои обязательства перед малыми странами, быть верной принципам Лиги наций. «Пакт Лиги наций, ничего кроме пакта, пакт в целом должен оставаться политикой Франции», — провозгласил Эррио⁵⁸. Партия радикалов не была единой в оценке «пакта четырех». Высказывания многих ее деятелей были осторожными. В принципе они соглашались с проектом пакта, но требовали внесения изменений в его текст. Эту точку зрения выражала и газета партии «L'Ere Nouvelle».

Отношение социалистической партии Франции к «пакту четырех» было двойственным. С одной стороны, ее руководство критиковало идею соглашения четырех западных держав, с другой — считало их сотрудничество необходимым для поддержания мира. Лидер партии Леон Блюм рассуждал о том, что «когда предлагают мир, хотя и «*paix sommaire*», вряд ли можно сходу отвергать его. Пертинакс настаивает, чтобы мы сказали «нет». Я не утверждаю, — писал Блюм, — что нужно сразу сказать «да», но мне кажется, что невозможно не вести переговоры дальше»⁵⁹.

Реакция, которую вызвало сообщение о «пакте четырех» во Франции, а также в странах Малой Антанты и в Польше, побудила руководящие круги Англии внести

⁵⁴ Цит. по: «L'Ere Nouvelle», 18.III.1933.

⁵⁵ «L'Ami du peuple», 17.III.1933.

⁵⁶ «Le Matin», 21.III.1933.

⁵⁷ «Débats... Sessions extraordinaires de 1932», t. unique. Paris, 1934, p. 2913.

⁵⁸ Цит. по: «Indépendance belge», 2.IV.1933.

⁵⁹ «Le Populaire», 22.III.1933.

некоторые изменения в проект пакта. Особенно резкая критика появилась на страницах мировой печати после опубликования 31 марта — 1 апреля текста пакта французскими газетами «Le Matin», «Le Temps» и английской «Daily Herald».

1 апреля английский посол в Париже Тирелл передал Поль-Бонкуру текст английского проекта пакта. Изменения, внесенные Англией, касались редакции статей II и III. В ст. II вместо признания «принципа ревизии договоров», как было в первоначальном проекте, говорилось о возможности ревизии договоров в определенных условиях. В ст. III признавалось «равенство прав» Германии со ссылкой на декларацию от 11 декабря 1932 г. и указывалось, что оно должно осуществляться постепенно. Хотя эти поправки существенно не меняли текста, германская дипломатия поспешила выразить свое недовольство ими. В беседе с германским послом в Лондоне Хэшем Саймон не скрывал, что все они продиктованы лишь тем, чтобы «облегчить для Франции принятие соглашения четырех держав». Английский министр убеждал посла, что даже более умеренный текст, если он будет принят и «пакт четырех» осуществится, явится «большим вкладом» в стабильность Европы, а, главное, это «в реальных интересах самой Германии»⁶⁰. Немецкие дипломаты стремились сохранить первоначальную редакцию пакта. Нейрат заявил, что английское желание во что бы то ни стало склонить Францию и ее союзников к принятию пакта, делает его «значительно более формальным в политическом смысле»⁶¹. С другой стороны, германская дипломатия не переставала указывать на «важность» согласия Германии «связать ее политику с политикой трех других великих держав». Убедить Англию принять первоначальный текст, предложенный Муссолини, было бы не так трудно, поскольку там не имели «категорических возражений» против пожеланий Германии, сообщал Хэш в Берлин, «но зная об оппозиции, они [англичане] считают их нереальными»⁶². Английские министры старались выработать компромиссную формулу, лишь бы спасти идею пакта.

Правительство Франции вело сложную дипломатическую игру. Поль-Бонкур считал необходимым высказать сочувственное отношение к пакту, дабы избежать упреков в адрес Франции, что она-де не хочет сотрудничества держав, саботирует дело умиротворения в Европе. Как писал В. С. Довгалевский, Поль-Бонкур «занимал промежуточную, колеблющуюся позицию»⁶³. Французская дипломатия, с одной стороны, заверяла партнеров по пакту о желании тесного сотрудничества и проведения согласованной с ними политики, а с другой — убеждала своих союзников в Восточной и Юго-Восточной Европе, что «пакт четырех» не содержит чего-либо опасного для них. В Женеве Массигли, по поручению Поль-Бонкура, заверял представителей Малой Антанты и Польши, что «четверка» им не угрожает. Но аргументация французской, вероятно, была не очень убедительна. В конце марта для переговоров в Париж был делегирован представитель Малой Антанты Титулеску⁶⁴. Цель визита Титулеску состояла в том, чтобы получить точную информацию об отношении Франции к предлагавшемуся пакту и постараться убедить французские правящие круги отклонить его. Деятельность Титулеску в Париже была очень активной. Помимо Даладье и Поль-Бонкура он встречался с английским послом Тиреллом, с Камиллом Шотаном (министром внутренних дел), Пьером Котом (министром авиации), Жозефом Кайо (председателем сенатской финансовой комиссии), Анри Беранже (председателем сенатской комиссии по иностранным делам), депутатом Жоржем Манделем и многими другими французскими лидерами, начиная от социалиста Л. Блюма до крайне правого деятеля Л. Марена. Переговоры Титулеску в Париже пресса считала столь беспрецедентными, что один иностранный дипломат спросил парижского журналиста: «Что пытается сделать Титулеску — образовать новый французский кабинет?» Протесты против заключения «пакта четырех» со стороны Малой Антанты были так энергичны, что возникла идея привлечения ее в качестве пятого члена соглашения. Газеты сообщали о согласии Англии на присоединение стран Малой Антанты к пакту. Но якобы она возражала против включения в него Польши. Высказывалось предположение, что в таком случае

⁶⁰ DBFP, vol. V, p. 130.

⁶¹ DGFP, vol. I, p. 248.

⁶² Ibid., p. 270.

⁶³ «Документы». т. XVI, стр. 225.

⁶⁴ Об отношении Румынии к «пакту четырех» см.: A. K u z m a n o v a. L'attitude de la Roumanie vis-à-vis du pacte à quatre.— «Etudes balkaniques», Sofia, 1969, № 2.

Польша войдет в Малую Антанту⁶⁵. Однако Бенеш не советовал своему польскому коллеге Беку ни присоединиться к Малой Антанте, ни заключать какого-либо союза, который вызвал бы беспокойство англосаксонских стран. Он предложил Беку пакт «вечной дружбы», предусматривавший обязательства дружеского урегулирования (путем арбитража) всех споров, способных противопоставить две страны; отказ от любых политических действий, способных нанести ущерб интересам другой стороны; проведение демилитаризации общей границы двух государств⁶⁶. Бек был удивлен этим предложением, но все же обещал подумать. Вместе с тем через несколько дней в интервью польской газете «Kurjer Poglany» Бенеш поставил вопрос так: «Если четыре державы сгруппируются, почему бы Польше и Малой Антанте не подписать в свою очередь пакта? Если великие державы хотят изменить наши границы, почему бы нам не заняться их делами? Мы можем, например, начать распределять их колонии»⁶⁷.

В Польше, сообщали дипломатические представители из Варшавы, болезненно реагировали на всякие упоминания об изменении польских границ и готовы были решительно противодействовать этому⁶⁸. Как писал Пертинакс, «поляки скорее решатся на войну, чем оставят на произвол Германии миллион своих соотечественников, живущих в Данцигском коридоре»⁶⁹. Отрицательное отношение Польши к проекту Муссолини не было продиктовано только боязнью ревизии польских границ. «В случае с «пактом четырех», — говорил Бек, — это вопрос принципа... Польша не допустит иностранного вмешательства в решение вопросов, касающихся интересов Польши»⁷⁰. Польша, связанная с Францией союзным договором, обычно искала у нее поддержки против притязаний германского империализма. Но с момента появления идеи «пакта четырех» ее доверие к Франции постепенно стало ослабевать. Поэтому общая опасность, угрожавшая Польше и странам Малой Антанты, могла их сблизить. Но такая перспектива не устраивала фашистскую Италию. Она пыталась внести раскол и в саму Антанту, рассчитывая оторвать от нее, в частности, Румынию. 14 марта 1933 г. итальянский посланник в Бухаресте Уго Сола уговаривал Титулеску не ратифицировать пакт Малой Антанты. План итальянца состоял в следующем. Румыния отказывается ратифицировать пакт Малой Антанты и присоединяется к группировке, включающей Италию, Венгрию, Болгарию. Возмущенный Титулеску вышел из своего кабинета и провел ожидавшего его польского посланника к себе со словами: «Идите, послушайте, что этот человек осмелился мне предложить». Уго Сола тотчас добавил, что Польша, конечно, тоже может присоединиться. В качестве компенсации Румынии гарантировался отказ Венгрии от ее притязаний на Трансильванию и отказ Болгарии от притязаний на Добруджу (при условии, что правительство Румынии даст свое согласие на «ампутацию» от Югославии в пользу Болгарии Македонии и в пользу Венгрии — Воеводины и Хорватии). Когда Титулеску заявил, что он отказывается даже слушать подобные предложения, Уго Сола заметил, что его собеседник «очень скоро пожалеет о своем упорстве»⁷¹. Попытка расколоть Малую Антанту в тот период не удалась. А выдвинутый 18 марта проект «пакта четырех» держав лишь усилил стремление стран Малой Антанты к сотрудничеству и согласованной политике.

Пока французское правительство еще не высказалось окончательно по поводу проекта пакта, представители Малой Антанты и Польши всячески пытались (и по дипломатическим каналам и через прессу) воздействовать на него. Выражением протеста четырех малых держав против стремления ревизовать мирные договоры был и визит Титулеску в Париж. Но когда Титулеску прибыл во Францию, из Рима в Париж срочно выехал французский посол Аври де Жувенель. Если первый ставил своей задачей убедить Францию отказаться от участия в пакте, то второй, напротив, приложил максимум усилий, чтобы правительство продолжало переговоры и не отклонило пакт. Жувенель вел беседы с министрами и политическими деятелями. «Его путешествие без

⁶⁵ «L'Information», 30.III.1933. Посланник Польши в СССР Лукасевич в беседе с М. М. Литвиновым 23 марта 1933 г. заявил, что «о присоединении Польши, по его мнению, не может быть и речи». — «Документы», т. XVI, стр. 183.

⁶⁶ DDF, t. III, p. 140.

⁶⁷ «Le Temps», 8.IV.1933.

⁶⁸ DDF, t. III, p. 143.

⁶⁹ «L'Echo de Paris», 8.IV.1933.

⁷⁰ DDF, t. III, p. 151—152.

⁷¹ Ibid., p. 147, 148.

всякого сомнения предпринято по требованию дуче с целью сбалансировать результаты демарша лидера Малой Антанты Титулеску», — писала 4 апреля 1933 г. «L'Humanité». Действия и заявления Жувенеля в пользу пакта подверглись резкой критике в печати. Пертинакс остроумно заметил, что Жувенель действует не как французский посол в Риме, а как итальянский посол в Париже, и даже требовал его отставки. Некоторые политические обозреватели склонны были считать, что со времени прибытия Жувенеля в Париж французские правящие круги решительно изменили свое отношение к «пакту четырех». Но Жувенель не был во Франции единственным сторонником сговора с фашистскими государствами. За установление тесных связей с гитлеровской Германией и фашистской Италией, «за активное освобождение мира от большевизма», за борьбу против Советского Союза выступала значительная группировка французской буржуазии, интересы и взгляды которой, в частности, рьяно защищал на страницах печати будущий коллаборационист и предатель Франции Фернан де Бринон. Сторонники заключения «пакта четырех» имелись и в правительственных кругах. 3 апреля на заседании совета министров под председательством Даладье рассматривался текст пакта, переданный Тиреллом Поль-Бонкуру, и было принято решение ответить на него меморандумом. Одновременно правительство сделало заявление, что оно не примет никакого решения без предварительного обсуждения вопроса в парламенте.

10 апреля 1933 г. французское правительство передало по дипломатическим каналам в Рим, Берлин и Лондон контрпроект и меморандум. Заверия о готовности французского правительства тесно сотрудничать с тремя державами, в меморандуме подчеркивалось, что это сотрудничество должно развиваться в рамках ранее заключенных четырьмя державами соглашений и пакта Лиги наций⁷². В ст. II был опущен пункт о ревизии договоров и вместо него указывалось на возможность предварительного изучения средств в целях применения ст. 19 Устава Лиги наций (о возможном пересмотре мирных договоров). Тут же упоминались статьи 10 и 16 (о санкциях). В ст. III французского контрпроекта признавалось равенство прав за Германией в той формулировке, которая содержалась в декларации 11 декабря 1932 г. Учитывая мнение стран Малой Антанты, в контрпроекте не упоминалось о распространении принципа равенства прав на Австрию, Венгрию и Болгарию. Оценивая французский документ, М. М. Литвинов говорил: «Мы по-прежнему отрицательно относимся к «пакту четырех» в любом варианте, но французский вариант считаем наименьшим злом»⁷³.

Этот вариант вызвал резкое недовольство германских правящих кругов. В беседе с Муссолини 12 апреля фон Хассель заявил, что «в этой форме проект для нас неприемлем»⁷⁴. Нейрат инструктировал Хасселя в том духе, что и английский вариант был плохой, а французский и того хуже. Оба «они очень далеки от наших собственных желаний и от первоначальной идеи Муссолини»⁷⁵. Однако последний согласился продолжить переговоры на основе французского контрпроекта. Итальянская дипломатия убеждала своих немецких коллег, сколь важно для Германии заключить пакт и извлечь все выгоды, которые он ей дает. Это будет «лучшим контрударом, который поможет разбить антигерманскую пропаганду», — говорил Муссолини. После его подписания может быть достигнуто соглашение между Римом и Берлином «на почве их особой дружбы» по главным направлениям их внешней политики, а именно: экономическое сотрудничество в Дунайском бассейне, отношение к Лиге наций, в колониальных вопросах, «а в дальнейшем мы будем в состоянии выработать общую линию и в австрийском вопросе»⁷⁶. Хассель в своем донесении в Берлин указывал как на особо важное последствие пакта именно на возможность соглашения с Италией «во всех главных областях, включая колониальный вопрос»⁷⁷.

4 мая 1933 г. на варианте пакта, который возник в ходе обсуждения между французским и английским послами в Риме и итальянским министром иностранных дел,

⁷² DDF, t. III, p. 196.

⁷³ «Документы», т. XVI, стр. 830.

⁷⁴ DGFP, vol. I, p. 280.

⁷⁵ Ibid., p. 284. Муссолини как-то заметил, что его предложение «сначала было мальчиком, англичане желают сделать из него гермофродита, а в руках французов он станет девочкой». — DGFP, vol. I, p. 244.

⁷⁶ DGFP, vol. I, p. 317.

⁷⁷ Ibid., p. 334.

Нейрат сделал пометку: «Одобрено канцлером. Альтернатива: немедленное заключение соглашения»⁷⁸. Казалось, дело идет к концу. Но неожиданно в последних числах мая французская газета «Le Matin» опубликовала так называемый гарантийный протокол, который Поль-Бонкур, по словам Нейрата, квалифицировал как дополнение к «пакту четырех»⁷⁹. В нем говорилось, что соглашение четырех держав ни в коей мере не ослабляет договоры, заключенные Францией с ее союзниками; Франция не позволит возникнуть какой-либо проблеме ревизии территориальных границ; когда будут обсуждаться процедурные вопросы, Франция потребует их рассмотрения в Лиге наций и будет защищать принцип единогласия, включая голосование заинтересованных держав. С помощью этого маневра французской дипломатии удалось получить согласие стран Малой Антанты. Сессия Постоянного совета Малой Антанты 30 мая 1933 г. сняла свои возражения против проекта «пакта четырех». Затем состоялся обмен нотами между Францией и странами Малой Антанты и обмен письмами с Польшей, на что правящая верхушка Германии реагировала раздраженно. Сначала Германия потребовала от Франции отказа от ее интерпретации пакта; в противном случае Берлин угрожал опубликовать свою собственную. Обсуждался вариант вручения германской ноты Франции, однако английские и итальянские дипломаты не рекомендовали так поступать, ибо, по их мнению, подобный шаг «немедленно вызовет противодействие пакту и отсрочит его подписание, если не сделает вообще невозможным»⁸⁰.

Заинтересованность Англии, Италии и Германии в пакте была столь велика, что они согласились подписать французский вариант с незначительными поправками. Это было неожиданным для французского правительства, которое полагало, что вокруг его проекта развернется «большая борьба». 7 июня 1933 г. в Риме текст «пакта о солидарности и сотрудничестве» был парафирован Жувенелем, Хасселем, Грехэмом и Муссолини. Французская дипломатия заверяла Советский Союз, что «пакт четырех» в нынешнем виде «ни в коей мере не задает СССР и не предусматривает рассмотрения и решения участниками пакта вопросов, в которых замешаны интересы СССР». В этом же заверял Советский Союз и Муссолини⁸¹.

Советское правительство, твердо проводя политику мира и укрепления безопасности народов, в целях предупреждения агрессии еще в феврале 1933 г. внесло на конференцию по разоружению проект декларации об определении нападающей стороны (агрессора). Однако в результате долгих прений в комиссиях и отрицательных отношении к этому проекту Англии, Генеральная комиссия отложила на неопределенный срок принятие решения по советскому предложению. Тогда Советский Союз решил добиться признания изложенных в декларации принципов путем заключения соответствующих соглашений с отдельными странами. 3 и 4 июля 1933 г. во время работы экономической конференции в Лондоне СССР удалось заключить конвенции об определении агрессора с некоторыми соседними странами (в том числе с Польшей), а также со странами Малой Антанты.

Буржуазная дипломатия пыталась изобразить Лондонские конвенции (в частности между СССР и странами Малой Антанты) как якобы демонстративно противопоставленные «пакту четырех», утверждая, что на Востоке Европы создается некий блок государств в противовес соглашению четырех западных держав. Такие заявления были абсолютно беспочвенными.

Советские представители не раз разъясняли, что, заключая Лондонские конвенции, СССР не имел в виду противопоставлять их «пакту четырех», а стремился «сделать дальнейший шаг по пути обеспечения всеобщего мира»⁸². Кроме того, в отличие от «пакта четырех» они были открыты для присоединения любой страны и не являлись замкнутым соглашением. Лондонские конвенции были конкретным развитием принципов, лежащих в основе пакта Бриана — Келлога, да к тому же проект декларации об определении агрессора Советский Союз выдвинул до того, как начались переговоры о «пакте четырех». Ничто не препятствовало участникам «пакта четырех» присоединиться

⁷⁸ DGFP, vol. I, p. 377.

⁷⁹ Ibid., p. 500.

⁸⁰ Ibid., p. 572.

⁸¹ «Документы», т. XVI, стр. 349, 426.

⁸² «Документы», т. XVI, стр. 424.

к Лондонской конвенции, отмечал полпред СССР в Италии В. П. Потемкин в беседе с Муссолини⁸³.

15 июля 1933 г. «пакт о согласии и сотрудничестве» четырех держав был подписан в Риме. Однако в силу он так и не вступил из-за острейших империалистических противоречий между Францией, с одной стороны, и Германией и Италией — с другой. Французские правящие круги, трезво оценив международную обстановку и потенциальную угрозу возрождения германского милитаризма для их собственной страны, даже не внесли «пакт четырех» на ратификацию во французский парламент. Важным фактором, оказавшим серьезное влияние на ход переговоров четырех держав, было общественное мнение во Франции и других европейских странах, решительно выступившее против планов создания «директории четырех». Определенную роль сыграла и негативная позиция по отношению к пакту стран Малой Антанты и Польши.

Существенное воздействие на судьбу «пакта четырех» оказала конструктивная внешняя политика и дипломатическая активность Советского Союза, которая увенчалась в 1932—1933 гг. заключением серии пактов о ненападении и нейтралитете (с Францией, Польшей, Финляндией, Латвией, Эстонией) и подписанием Лондонских конвенций об определении агрессора.

Развитие международных событий, острая империалистическая борьба привели к изменению внешнеполитического положения стран — участниц пакта и к новой расстановке сил на Европейском континенте. Франция, до сих пор занимавшая ведущую роль в Лиге наций и в решении европейских проблем, постепенно уступала свое место Англии, использовавшей в своих интересах франко-германские и франко-итальянские противоречия. Двойственная политика французских правящих кругов, проявившаяся в ходе переговоров, вызвала разочарование у ее восточных союзников, в первую очередь Польши, которая полгода спустя (в январе 1934 г.) подписала польско-германский договор о дружбе и нейтралитете и фактически отказалась от союза с Францией. Переговоры четырех держав по поводу пакта существенно ослабили позиции Франции в Европе и одновременно укрепили положение фашистских режимов. После прихода гитлеровцев к власти в Германии и переговоров о «пакте четырех» политика поощрения фашистских государств, направление их агрессии на Восток, против Советского Союза, стала приобретать все больше сторонников в буржуазных кругах Западной Европы. «Пакт четырех» явился своеобразной репетицией Мюнхенского сговора 1938 г.

Но для Франции путь от переговоров в Риме весной 1933 г. до капитуляции в Мюнхене не был прямым и однозначным. Часть французских правящих кругов в тот момент сознавала необходимость сближения с СССР для обуздания германской агрессии и укрепления безопасности Франции. В конце октября 1933 г. французская сторона поставила перед Советским правительством вопрос о заключении соглашения о взаимной помощи, в качестве дополнения к договору 1932 г. о ненападении. В ходе франко-советских переговоров в конце 1933 г. — начале 1934 г. был выработан проект Восточно-европейского пакта о взаимопомощи с участием ряда стран. Но в результате отрицательного отношения к нему Германии и Польши, а также неблагоприятной позиции Англии, он не был осуществлен. Тогда Франция и СССР вернулись к идее двустороннего договора о взаимной помощи. Его подписание 2 мая 1935 г. явилось серьезным успехом советской политики мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами. Однако вскоре во Франции (как и в Англии) возобладала политика «умиротворения» фашистских держав, которая, как известно, способствовала развязыванию второй мировой войны.

Опыт истории Европы 30-х годов показывает, что любая попытка объединения части европейских держав на антисоветской основе означает не укрепление мира, а приближение войны. Подобно тому, как не существует Европы без СССР, не может существовать и прочной системы европейской безопасности без активного участия Советского Союза.

⁸³ Там же, стр. 428.

